

Вера Миносская

Хранители

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27434339

ISBN 9785448598487

Аннотация

Вера приезжает на Крит к другу, эмигрировавшему на остров. Занимаясь дизайном его отеля, Вера живет просто и вольно: дружит с местными, купается нагишом в Ливийском море. Трагедия прерывает размеренность быта. Отныне все силы Веры и ее спутников отданы поискам древней рукописи. Пути искателей опасны, ведут сквозь ущелья и заброшенные монастыри. Теперь Верины дни – это бег от убийц, а ночи – время явления странных существ. Жизнь точно играет в фанты: кому – пуля, кому – раскаяние, кому – любовь.

Содержание

Пролог. Спой мне песню, как синица тихо за морем жила	5
Глава 1. Первое письмо. Два Георгиса	47
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Хранители

Вера Миноская

Корректор Светлана Барсукова

© Вера Миноская, 2018

ISBN 978-5-4485-9848-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Спой мне песню, как синица тихо за морем жила

Пока дорога впереди закручивалась в гору, сумерки потихоньку взяли нас в зыбкое кольцо. Поднимаясь к перевалу, мы невольно вытягивали шеи, пытаясь удержать взглядом последние отблески над склонами. Но Земля упрямо отводила в тень Восточное полушарие вместе со Средиземным морем, островом Крит, вместе с шумными тавернами городка Спили, оставшимися позади. Десять минут – и на мир улеглась тьма.

– Останови на секунду, хочу выйти, – попросила я Ивана.

Чуть протянув после поворота, Ваня съехал на каменистую обочину, ничем не отделенную от обрыва: ни отбойником, ни хотя бы сеткой рабицей. Горное шоссе было узким, едва на разъезд двух машин, и неосвещенным, как все критские дороги вне городов и сел. Единственный плюс – дальний свет фар выхватывал более-менее прямые метров десять до поворота. Так что, выскочи навстречу нам какой-нибудь Костас, по обыкновению критян не унижающий себя мыслями о возможных помехах на пути, шансы не слететь в пропасть у нас были неплохие.

Едва я ступила на землю, приснул из-под ног к обрыву мелкий зверек. Негромко позвякивали колокольца невиди-

мых в темноте овец. Я глубоко глотнула апрельского ветра, точно сладкого вина за встречу с островом. Каждый раз воздух Крита служил самой верной приметой моего возвращения. Вот и сейчас чувство расширяющихся легких не портил даже дымок от сигареты, закуренной Иваном.

Надо отдать должное Ваниному терпению. Точнее, тому, как хорошо он скрывал нетерпение. День у него выдался длинный, под вечер пришлось забирать меня из аэропорта и везти извилистыми путями с севера на юг. И хотя за тринадцать лет жизни на острове Иван привык к ночной езде по серпантинам, ему не менее моего хотелось услышать гул моря, вытянуть ноги и выпить бренди. Но даже не усталость гнала его вперед. В конце дороги меня ждал своего рода сюрприз. И все внутри Ивана пузырилось от желания увидеть мои глаза и услышать мои слова.

Мы тронулись. Искоса взглянула на своего спутника. Как хорошо я знала это выражение лица! Впервые увидела его весной 1998 года во время неформального турнира по покеру среди Ивановых сокурсников по Одесскому национальному экономическому университету. Я тогда приехала из Москвы повидать и поддержать Ваню, а заодно погулять по одесским бульварам. Друг мой стал одним из финалистов турнира, а я добавила в копилку ивановедения вот этот чуть скучающий взгляд: точно сидит человек в очереди к врачу и вынужденно слушает радиопостановку «Алиса в стране чудес» — деваться некуда, но, с другой стороны, все же «Али-

са», а не Валентина Толкунова. С тех пор такая мина на Ваниной физиономии служила мне сигналом о тщательно сдерживаемых эмоциях, распирающих его в данный момент...

В который раз подумала, что, помимо матери Ивана, вряд ли есть на свете женщина, которая знает его так же хорошо, как я.

Шоссе тем временем достигло перевала. В свете фар выписывали росчерки летучие мыши, шмыгали вдоль обочин куницы. Над нами дышал космос, усыпанный серебряными веснушками. Внизу дремало Ливийское море¹. Дорога запетляла вниз, к южному берегу.

Вскоре показалась бухта. Словно опасаясь, что мы сойдемся с пути, Луна прочертила по темной воде полосу к ней.

Не доезжая зарослей олеандров возле бухты, Ваня свернул на короткую раскатанную грунтовку. И остановился на пригорке перед неосвещенным трехэтажным зданием. Чуть левее притулилось еще одно, пониже. Прихватив с заднего сиденья метаксу, он вышел и картинно застыл в клубящихся лучах дальнего света, вскинув руку с бутылкой как знаменосец.

– Давай же скорей, – крикнула я, – показывай!

На ходу вынимая ключи из кармана, Ваня скрылся в темном проеме дверей. После серии щелчков и, судя по звуку, удару кулаком по металлу вспыхнул свет.

¹ Ливийское море – часть Средиземного моря. Омывает Крит с юга.

Еще невольно жмурясь с непривычки, я обежала охваченный электрическими огнями дом и замерла лицом к нему, спиной к морю.

Это был небольшой летний отель. Легкое белое здание, рассчитанное на прием постояльцев исключительно в сезон. На бухту глядели все его двенадцать номеров – по четыре на каждом этаже. Колонны верхней террасы укрыл дикий виноград, пуская лозы к аркам нижних балконов.

В этой немудреной архитектуре прослеживалось желание владельца соединить греческое и южно-итальянское.

Главный вход с будущим ресепшен находился с тыльной стороны, куда вела подъездная грунтовка и где стояла машина. Основная же дорога огибала пригорок с отелем и заканчивалась под ним у пляжа.

Я снова повернулась к светящимся окнам. Справа приутилась таверна в форме буквы «Г». Площадку перед входом обступили завсегдатаи прибрежных критских таверн – тамариски. Эти деревья пьют влагу из морской соли, которой осыпает их ветер, и пускают корни сквозь песок к подземным водам. Если нанести на карту острова растения, то контур будет обозначен именно тамарисками (а дороги – оливами вдоль обочин).

Все пространство, занимаемое отелем и таверной, было компактно. Спереди его ограничивал склон к бухте, сзади – уходящие вверх каменные террасы, меж которых петляло единственное шоссе, ведущее сюда с гор. Кажется, я не сразу

поняла, что, по-бабьи прикрыв рот руками, бормочу восторженные эпитеты, глядя на отель.

Рядом млел довольный моей реакцией Иван.

Ваня купил отель в Агиосе Павлосе² за четыреста двадцать тысяч евро в конце зимы. Столь невысокая цена, в которую входила и таверна, объяснялась, во-первых, местоположением. Южный берег Крита дик и не освоен пакетным турбизнесом. Аэропорты, аквапарки – все это сконцентрировано на северном побережье. Агиос Павлос и вовсе глушь. Даже не деревня. Несколько апартаментов с тавернами над бухтой. Да по соседству – пляж Дюны святого Павла, названный так из-за огромного песчаного склона, отрезающего его от мира. У западной оконечности пляжа вздымаются из моря три каменных паруса – скалы Триопетра. И насколько хватает взгляда, прибрежные воды окрашивает бирюза – то подземные источники впрыскивают в них известняк. Вот и весь Агиос Павлос. Когда-то в этот ослепительный мир влюбился вслед за мной Иван. Но, с точки зрения риелтеров, ловить здесь нечего. Ни магазинов, ни автозаправок.

Во-вторых, и строения, и участок требовали доработки. Надо было красить стены, вешать кондиционеры. К нашему

² Агиос (греч.) – «святой». Агиос Павлос – Святой Павел.

приезду только-только успели провести электричество. Открыть отель Иван планировал в следующем году.

Прежнему владельцу по каким-то неотложным семейным делам пришлось переехать на Пелопоннес. И когда Ваня купил его симпатичное, но недоделанное детище, друзья крутили пальцем у виска. Обустройство грозило вылиться в сумму, сопоставимую с ценой за отель. Не лучше ли было взять кредит под готовую небольшую гостиницу на северном побережье, где-нибудь рядом с Ханьей³, и расширять бизнес? Окупилось бы это, по мнению опытных товарищей, гораздо быстрее и щедрее.

Однако Иван никогда не следовал советам, уводящим от его собственных желаний. Всегда был непрошибаемо упрям. В наших детских играх только его пацанское простодушное обаяние иной раз спасало различные части Ваниного тела от моих пинков и затрещин.

Мы были знакомы почти тридцать лет. И все это время общие приятели подозревали нас во взаимных нежных чувствах. Нежные чувства, конечно, присутствовали, только без всякого намека на романтику. Ваня был моим лучшим другом. Похороны крыс в Ялте сплотили нас раз и навсегда. Мне было пять, ему немногим больше. Мы жили в одном дворе на Архивной улице. Каждое лето Ваня с сестрой приезжали из Одессы к бабушке-гречанке, меня с бабушкой родители отправляли в Ялту из Москвы к давней знакомой,

³ Ханья – второй по величине город Крита, находится на северо-западе острова.

у которой снимали комнату из года в год. Помню, однажды соседский паренек с ободранными коленками таинственно поманил меня. Вместе мы подошли к сладко пахнущей помойке напротив выхода из двора. Поверх груды разноцветного мусора лежали две толстые крысы с длинными хвостами. Тут же, в контейнере, нашлась старая хлебница. Положив в нее усопших, мы устроили торжественные проводы. Бабушка застучала нас и потащила меня в общественную баню мыться. Ванина бабушка оттащила внука за ухо и отправила с сестрой купаться в море.

Выучившись грамоте, мы посылали друг другу письма зимой, а летом встречались и до ночи шныряли по ялтинским улочкам и набережной.

Однажды, не помню сколько нам было, Ваня и я сидели на парапете рядом с Приморским пляжем. В наш двор пришла проверка – так в Советском Союзе выясняли, совпадает ли реальное число постояльцев с заявленным хозяевами в курортных книжках. Не совпадало, как правило, у всех. Жаждающим моря сдавали любой угол, куда можно было втиснуть кровать или раскладушку. За превышение установленной суммы полагалось платить налог, потому регистрировали не всех. Во дворе на Архивной о ревизиях знали заранее благодаря тете Гале, работающей в Ялтинском горисполкоме. В то утро постояльцы спешно покинули комнаты, хозяева заперли дома и тоже разбежались. Для правдоподобности остались только дядя Женя с дядей Рафиком, кра-

сиво играющие посреди двора в шахматы в половине седьмого утра.

– Когда-нибудь, – сказал Ваня, болтая ногами, – у меня будет белый-пребелый отель. С колоннами. Вон, как «Ореанда», – мотнул он головой через плечо. – В нем будут жить люди из разных стран и никогда не будет никаких проверок.

– А я стану тебе помогать!

– Ага. Ты будешь всем распоряжаться... Будешь этой, как ее... женской рукой.

– Ладно, – согласилась я. – Только, чур, тот отель – у самого моря!

– Конечно.

Словно в продолжение того давнего разговора нынешний Ваня, владелец белоснежного отеля на берегу Ливийского моря, прищурился и спросил:

– Ну что, как назовем дите? Пора уже определяться.

– У самого моря...

Время было за полночь. Мы с Иваном стояли на балконе третьего этажа отеля. Внешнее освещение выключили. Слева от бухты висела луна. Из-за штиля ее дорожка казалась отблеском на полировке. Бухту окаймляли два мыса. На левом притулился маленький отель, правый напоминал лежащего мордой в море дракона (или крокодила), за что и получил имя – скала Спящий Дракон.

– Это прям как у твоей Ах-хм-матовой, – сказал Ваня чуть запинаясь (метаксу мы к тому времени допили).

Первую часть ахматовской поэмы «У самого моря» я зубрила весь август перед вторым классом. Отпуская нас на каникулы, учительница велела 1 сентября каждому рассказать стихотворение о том месте, где он провел лето. Мама решила, что я выучу не просто какой-нибудь стишок-скороospelку о Крыме из творчества многочисленных лауреатов всесоюзных премий, а сразу – Ахматову. Это был изящный подарок учительнице – поклоннице поэзии Серебряного века. Для правильного настроения я повторяла прочитанное глядя в море, сидя на соленом камне. Финальную госприемку 31 августа проводила мама, а вот постоянным слушателем в течение всего месяца был, ясно, Ваня. Не сказать, что особо благодарным, но выбора у него не было – знал, что, пока я не пробубню положенные восемьдесят три строки, смотреть на дельфинов у Приморского пляжа или на огромный корабль, зашедший в порт, мы не пойдем. Волей-неволей он и сам выучил кое-что из поэмы. К великой радости своей мамы – Розы Михайловны. Когда нас разбирали по домам в конце лета, она особенно жарко прижала меня к пышной груди и расцеловала. Роза Михайловна заведовала кафедрой истории зарубежной литературы в университете, и ее очень огорчало нежелание сына учить стихи, хотя бы самые простые, вроде Агнии Барто.

– Ну, допустим... А на вывеске как будет? – Ваня отвернулся от бухты, слегка откинулся назад, охватывая взглядом залитые лунным светом стены, словно примеряя к ним имя.

– На вывеске можно сделать крупно по центру: «By the sea». И в двух нижних углах мельче: по-русски «У самого моря» и по-гречески «Πάνω στην θάλασσα», – ответила я и тоже развернулась.

Звездное небо качнулось... Надо все же соразмерять скорость движений после метаксы.

– Ну, лады, – усмехнулся друг детства.

Синюю рубашку навыпуск он уже расстегнул до пупа (что такое плюс пятнадцать, когда внутри много бренди). Глаза серые, лицо худощавое. Последнее время Ваня предпочитал легкую небритость, и я шутила, что года через три он и вовсе отпустит бороду на манер большинства критян.

На Крит Иван переехал из Одессы в начале 2000-х, не закончив университет (к великому огорчению Розы Михайловны). Продал пятикомнатную квартиру, завещанную дедом – бывшим партийным работником, и на вырученные деньги купил в венецианской части старого города Ханьи таверну. Чуть позже открыл небольшую прокатную контору при местном отеле. Изначально весь автопарк состоял из пяти машин. Затем бизнес разросся. И сегодня Иван был совладельцем крупной компании с офисами в разных концах острова, чей парк насчитывал более трехсот легковушек, внедорожников, а также мотоциклов и скутеров. Если не считать уже упомянутого обаяния, деловой хватки и всех остальных Ваниных достоинств, то успехом в бизнесе он был обязан, конечно, дяде.

Крит – остров сельский, патриархальный. В делах здесь главное – знакомства, в селах до сих пор отмечают панигиры – праздники, посвященные дню памяти святого местной церкви, а крестины – обязательный для каждого критянина многолюдный обряд. Дядя Ивана, младший брат Розы Михайловны, уехал на родину предков в конце 80-х – их мать происходила из крымских греков. Ныне дядя, а если чин по чину – иеромонах Тимофей, был вторым после настоятеля лицом в большом монастыре на юго-востоке Крита. То есть принадлежал к уважаемому сословию. Племянника иеромонах Тимофей любил как сына. Тем более что настоящего отца Ваня не помнил: тот ушел из семьи давно и никоим образом себя впоследствии не проявлял. Когда Иван переехал на Крит, дядя помог с открытием таверны. Родственнику иеромонаха не составляло труда получить любую бумажку, например разрешение от муниципалитета на расширение летней площадки ресторана. И именно дядя познакомил Ивана с Михалисом – будущим компаньоном по автобизнесу.

Я всегда поражалась их взаимной привязанности, поскольку столь несхожих между собой молодых людей надо было еще поискать. В юности Михалис слыл смутьяном и забиякой. Приезжая в Ханью из своей горной деревушки, он являл публике подчеркнуто национальный стиль одежды: в кожаные сапоги до колен (стиваньи) заправлены ши-

рокие штаны, на голове – сарики⁴. В Евросоюзе Михалис видел новых оккупантов Крита, душащих островитян налогами и квотами. Плюс связался с торговцами марихуаной, выращиваемой в горах. Не доводя до греха, отец отправил его в обитель на противоположном конце Крита – подальше от прежних дружков. Три года Михалис был трудником⁵ в монастыре у дяди Ивана. Там-то и выяснилось, что, помимо бунтарских идей, у отрока золотые руки и огромная любовь ко всякого рода технике. Монастырский автопарк преобразился. «Амарок» отца-настоятеля больше не издавал богопротивных звуков на подъемах, а трактор, на котором отец Арсений выезжал на монастырские уголья, не тряся, как одержимый дьяволом на сеансе экзорцизма, вынуждая седока осквернять рот непотребными словами.

Иеромонах Тимофей стал духовником Михалиса. И когда убедился, что смирение вытеснило в нем строптивое вольнодумие, познакомил юношу с племянником. С тех пор все машины конторы находились под неусыпным вниманием Михалиса. К своим тридцати пяти он обзавелся женой и тремя детьми. Никогда не принимал участия в веселых посиделках и пляжных вечеринках, которые так любил и время от времени позволял себе Иван. Тем не менее с Ваней их связыва-

⁴ Сарики – критский мужской головной убор в виде вязанного крючком платка с бахромой. Обычно черного цвета – в знак скорби по годам оккупации острова турками.

⁵ Трудник живет и работает в монастыре, не принимая священного сана.

ла дружба, а не только деловые отношения.

Луна уже сдвинулась от мыса к середине бухты и зависла аккурат напротив балкона. До чего яркая у нее дорожка! Я снова загляделась на воду.

Иван обнял меня за плечи и чуть потряс:

– Вернись ко мне, мое серденько!

Вдали ухал филин.

– Пойдем спать, – сказал Иван. – Завтра много дел, будешь принимать хозяйство. Вечером я уеду домой, в Ханью.

Освещая путь фонариком в телефоне, Ваня вошел в темные недра отеля. Шагнув следом за ним в пустую комнату, я остановилась. Это был двухместный номер. Сквозь окно смутно белела колонна террасы. Пахло каменной крошкой – проводку на третьем этаже только проложили. Мебели еще не было. Ванин голос эхом раздавался в коридоре.

Казалось, отель молчит, изучает меня. Хорошо помню то чувство: будто стены не просто живые, а являют собой часть невидимого, неопределимого нечто, которое глядит откуда-то с вышины и отовсюду. Ощущение пространства столь высокой плотности, что, подобно черной дыре, оно притягивало к себе все вокруг, включая грядущие события, было отчетливым.

– Вер, ну ты где? – крикнул Иван.

Голос его точно развеял чары. На меня навалилась усталость. Перелет из Москвы, двухчасовое ожидание Вани в аэропорту Ханьи. Да и метаксы было в избытке.

Ваня стоял в освещенном проеме дверей в конце коридора. Я с трудом разбирала его слова. Глаза закрывались, голова тяжелела. Смутно уловила только, что постели нам приготовила Мария. Что спать мы будем в соседних комнатах. И начала раздеваться еще до того, как он вышел за дверь. Иван быстро выключил свет и растворился во мраке.

Те полгода в отеле – с апреля по сентябрь – я помню и поныне. Дни проходили в трудах, но жизнь была беззаботна. Точно с переездом на остров я сбросила десяток лет, вернувшись в студенческую пору. Конечно, я не ведала, что время это не продлится долго. Уйдет от меня навсегда, едва воздух запахнет октябрьским тимьяном.

Каждое утро, сварив кофе, я выходила босиком на террасу – смотреть, как рассвет разливается по бухте. Прихлебывая густой напиток, бродила по своим комнатам на третьем этаже в торце отеля. Их было две: спальня и смежный с ней зал, из которого дверь вела в отельный коридор. Мне нравилось, что в зале много света и мало предметов: диван, где в первую ночь спал Иван, шкаф да посередине круглый стол. Столешницу покрывали интернациональные надписи: «Kωστας + Μαρία», «Thomas + Elly», а сбоку – «Дима Билан!» (мебель для хозяйских номеров Иван по дешевке купил на распродаже в какой-то гостинице). Огромные окна

и балкон охватывали обе комнаты по правому боку, сливаясь с общеотельной террасой, глядящей на бухту. Все-таки тот парень, что перебрался на Пелопоннес, многое понимал в обустройстве жизненного пространства.

Днем мы шили, пилили, подключали и утирали потные лбы – кондиционеров не было, а солнце уже в апреле шпарило так, что за неделю у меня сгорели плечи. Мы – это трое пожилых критян и я.

Моими главными помощниками были Мария и Димитрис – супружеская пара, нанятая Иваном. Было им по шестьдесят с хвостиком. В прошлом он работал инженером, она – школьным учителем. Димитрис ведал всем, что было связано со строительством, электричеством, водоснабжением. В подручные ему до конца сентября Иван взял рабочего – Янниса. Мария помогала мне шить, вела хозяйство.

Я ощущала себя просолившимся с головы до ног Просперо, а Мария, Димитрис и Яннис были моими добрыми духами. Никогда прежде не чувствовала я такой силы в руках, уверенности в конечном результате и нежности к Ивану.

В моей прежней, московской, жизни я работала дизайнером в туристическом агентстве. В свободное время делала керамическую посуду и рисовала. Кое-что продавалось в арт-салонах, были и постоянные покупатели и даже, со временем, подражатели. Превращению хобби в профессию мешало мое нежелание вливаться в московскую дизайнерскую тусовку. Куда сильнее меня интересовали новости с далеких

критских берегов. Лет десять назад, приехав посмотреть, как устроился в эмиграции Иван, я поначалу растерялась от чувства свободы и защищенности, охватившего меня. Я ныряла и бродила где вздумается, возвращалась ночными дорогами, и радость не была омрачена хотя бы малейшим опасением – точно огромный отец, выпуская меня гулять, улыбался и следил за мной. С тех пор на остров я ездила часто, стала администратором критского форума при турагентстве и выучила греческий.

Поэтому, когда зимой Ваня объявил о покупке отеля, я так обрадовалась, что в приступе эйфории (изрядно подогретой коньяком во время обмытия сделки по скайпу) поклялась драить там полы и работать горничной.

Ваня фыркнул:

– Еще чего! Горничной будет какая-нить тетенька из соседней деревни... Но на первых порах, пока с персоналом будет туго, тебе, конечно, придется крутиться белкой: работать и творцом, и управляющей и, возможно, помогать официантам. Думаю, в последнем случае твоя белобрысая голова принесет мне нехилые дивиденды. – И, показав язык, поднял бокал по ту сторону экрана.

По мнению мамы, от отца мне досталось три козырных фамильных дара: льняные волосы (то есть совсем белые), крупный пухлогубый рот и не склонное к полноте телосложение. Третье достоинство было, правда, весьма сомнительным. В моем случае subtilность распространялась на все

части тела. Некоторые из них мне хотелось бы видеть более пышными. А рост – более высоким. Здесь мой почти двухметровый отец поспешил на полезные гены.

Переехать в отель «творцом и управляющей» я согласилась моментально, поскольку не существовало ничего, что мне жаль было бы оставить в Москве.

С мужем мы давно разошлись. Наш брак был быстро замешан в институтских стенах, подогревался страстью к одним и тем же направлениям живописи и общими друзьями, среди которых супруг неизменно оказывался душой компании. Но блюдо все равно казалось мне пресным. И спустя два года я подала на развод.

С родителями мы виделись в основном по праздникам. Отец преподавал в МГУ. Мама помогала старшему брату – сидела с его сыном. Она была из тех людей, которые совершенно точно знают, как кому следует жить. Я жила не как следует: рисовать баннеры для агентства при Строгановке за плечами было, с ее точки зрения, несерьезно. Тут с ней сложно спорить. Брат, руководивший айти-компанией, куда больше соответствовал ее представлению о благополучном ребенке.

Перед отъездом я сдала свою московскую однушку (в планах было ее продать и купить жилье на Крите). А Ваня выдал мне две тысячи евро до конца года.

Вот и вся история моего переезда на остров.

Вечера над южным побережьем Крита меж тем станови-

лись все теплее.

Чтобы сэкономить электричество, мы зажигали керосиновую лампу, принадлежавшую еще отцу Димитриса. Вешали ее на ветку тамариска у входа в таверну. В семь часов я и Мария резали салат хорьятики, то есть деревенский (во всех остальных странах известный под именем «греческий»), жарили мясо. Со скал поднималась теплая тьма. И мы до ночи засиживались за столом под керосиновой лампой.

Я рассказывала о покинутом городе. О комфортном современном и о том, из 90-х, жить в котором, как и во всей стране, было часто страшно и голодно. Но при этом весело – возможно, потому, что на это время пришли мои детство и юность. Иногда в конце посиделок, после рюмки-другой узо⁶, я, как кот ученый, рассказывала сказки Пушкина. И про мертвую царевну, и про Руслана и Людмилу... Для пущего эффекта строки, которые помнила наизусть, произносила по-русски.

Вскоре выяснилось, что Димитрис, хотя по образованию инженер, но в душе – музыкант и поэт. Среди его знакомых было много певцов, а сам он знал и придумывал несметное количество мантинад⁷. Я сказала, что на моей родине таких называют физиками-лириками и мой папа из их числа. Димитрис смеялся, так ему понравилось это определение.

⁶ Узо – анисовая водка, популярный на Крите алкогольный напиток.

⁷ Мантинады – критские куплеты-четверостишия, которые, как правило, пропевают-проговаривают под аккомпанемент лиры и лютни.

Под конец ежевечерней трапезы они с Яннисом устраивали концерт. Димитрис упирал о колено критскую лиру – инструмент грушевидной формы с тремя струнами. Яннис усмехался, давая понять, что первые строки уже созрели в его седой круглой голове. И начиналось.

Димитрис взмахивал смычком, лира всхлипывала. Яннис запевал:

*– Не кричи, жсена, ухажу, жсена,
Пить вино с любимой.*

Димитрис подхватывал:

*– Все поймет, все простит она.
Море – моя любимая⁸, жсена.*

Мантинада следовала за мантинадой – каждая последующая была связана с предыдущей по смыслу. Импровизировали на ходу. Пуча глаза на Марию, Яннис продолжал:

*– Эх, дала моя жизнь течь,
Заполни ее, море-любимая!*

*– Но утешься, жсена, я вернусь,
Не забудь ягненка запечь.*

⁸ Слово «море» в греческом языке женского рода.

Последние две строки – это уже заканчивал Димитрис.

И Мария, смеясь, шлепала его полотенцем по шее.

После одного такого особо теплого вечера у меня родилась идея. Неделью назад привезли стулья. Обычные, как в любой критской таверне, – с плетеными сиденьями и деревянными спинками. Покрывать их лаком? Сделать разноцветными? Все не то.

Однажды утром, когда Мария собиралась в огород, я подсунула ей под нос лист:

– Мария, прочти, пожалуйста, поправь ошибки.

Все-таки в письменном греческом я была пока не сильна.

Мария сперва прочла. Поправила. И только потом спросила:

– Что это?

– Это мантинады. На спинке каждого стула я выжгу отдельную мантинаду.

Мария посмотрела на меня взглядом, который я идентифицировать не сумела. И потому пока решила дать ему рабочее название «сумасшедшая русская».

Довольно споро я выжгла несколько четверостиший.

Первое было такое:

*Пучеглазые рыбы знают мою тайну,
Осьминог бормочет о ней с креветками,
И только ты, упрямый сфакийский⁹ рыбак,*

⁹ Сфакья – знаменитый регион на юго-западе Крита. Благодаря гористому

Еще ничего не знаешь.

Его, несмотря на все свое изначальное хмыканье и взгляды, особенно полюбила Мария. Всегда садилась именно на этот стул. На некоторых вместо мантинад я выводила четверостишия из ахматовского «У самого моря», сверяясь со сборником стихов Анны Андреевны, привезенным в числе любимых книг из Москвы.

С Марией мы сошлись быстро. У нее были два качества, свойственные многим критянам, мне импонирующие: спокойное отношение к похвале и сдержанность. Восторги по поводу сшитых ею занавесок и сотканых половиков для номеров отеля она принимала с легкой улыбкой. И терпеливо, по несколько раз, повторяла полезные свойства трав, когда мы уезжали в горы их собирать. Не раздражалась, когда на первых порах я путала названия. Наполнив мешок вербеной, эхинацеей и розмарином, мы заезжали выпить вечерний кофе у источников в Спили. Из пастей лепных львиных голов лилась родниковая вода с Псилоритиса. Вокруг в тавернах сидели неперменные деды-патриархи. Меж столиков шныряла детвора, за которой присматривали все находящиеся тут мужчины и женщины. К моей спутнице часто подсаживался кто-нибудь из знакомых.

Вернувшись домой, мы развешивали травы под потолком

ландшафту и независимому нраву местных жителей ни разу не был покорен захватчиками. Столица – Хора Сфакион.

таверны.

После одной такой вылазки я познакомилась с Маркосом.

Стоял душный августовский вечер. Я взяла пикап Димитриса и поехала к Триопетре купаться голышом. От идеи понырять на любимом пляже Дюны святого Павла, где сноркала, если выдавался свободный час-другой, отказалась: сил спускаться по песку вниз и особенно карабкаться потом вверх не было.

Приткнув пикап на обочине под старой оливой, я разделась под скалой до нага и, придавив одежду камнем, чтобы не унесло ветром, с разбегу бросилась в пенную бирюзу под тремя каменными парусами. Вблизи видно было, что они слоистые, словно собранные из известковых пластин, выскальзывающих друг из-под друга.

В таверне дальше по берегу сидела компания. То, что им, пусть и издали, видна моя обнаженная натура, не смущало меня. Критский юг принадлежит нудистам, мы тут в своей стихии. В 60—70-х годах вольный дух обосновался на побережье Ливийского моря вместе с колониями хиппи. Со временем их поселения сгинули, но атмосфера всеобщей расслабленности со всеми ее атрибутами, в том числе нудизмом, осталась. Кажется, даже географическое положение этого самого южного края Европы, зависшего меж двух континентов, делает несерьезными любые законы, кроме одного, сформулированного все теми же хиппи: здесь всегда сегодня, а завтра не наступает никогда.

Натянув топик и шорты, я дошла до таверны и села за столик, уходящий четырьмя ногами в смесь песка и гальки. Попросила фраппе. И немного поболтала с хозяйкой – Поппи, знакомой Ивана.

Разговор за столом, где сидела компания молодых людей, велся на упрощенной версии английского, как бывает в многонациональных сообществах. Обернувшись, встретилась с пристальным взглядом пригожего молодого человека. Сначала я приняла его за англичанина, поскольку в отличие от остальных собеседников на этом языке он говорил, насколько я могла судить, безупречно. Высокий, худощавый, с пушистыми ресницами вокруг темных глаз. Стиль одежды также был иной, нежели у молодых горожан на Крите, предпочитавших джинсы и футболки. На нем были брезентовые брюки с большими накладными карманами и ярко-желтая рубашка навыпуск. Одна из девушек была явно к нему равнодушна – опиралась локтем о спинку его стула и нагибала голову, ловя взгляд.

Солнце над морем тонуло в дымке, обещая знойный день. Где-то неподалеку двое мужчин уже закончили работу, Мария готовится накрывать стол. Пора возвращаться. Я быстро расплатилась и пошла к пикапу, чувствуя меж лопаток все тот же прицельный взгляд.

Едва села за руль, в зеркале заднего вида показался красный кабриолет, мигающий фарами. Очевидно, мне, поскольку, кроме нас, на грунтовке никого не было.

Увидев мои поднятые брови, красавец из таверны засмеялся. Приткнул «фольксваген» на обочину и перепрыгнул через дверцу.

– Привет! Удивлена? – опираясь об окно пикапа, спросил он по-английски.

– Да, нечасто встретишь на критских грунтовках такую машину, – медленно ответила я.

Английский был непривычен, заставлял много думать и скудно говорить.

Он представился. Оказалось, Маркос – критянин. И я с облегчением перешла на греческий.

– Мы с тобой коллеги, – заметил он. – Я тоже дизайнер. Поппи сказала, что хозяйина отеля, в котором ты работаешь, зовут Иван. И, представляешь, только тогда я вспомнил: он партнер моего отца. Папе принадлежит здание, где у Ивана таверна в Ханье! Они даже думают вместе отремонтировать его и открыть небольшой бутик-отель. Дом-то XVII века, венецианский.

– Да, слышала, – машинально отозвалась я. – В смысле про здание.

Когда Маркос узнал, откуда я, брови его взлетели:

– Не понимаю, как ты бросила Москву и переехала сюда, в глушь? Здесь же ни кино, ни театров. Ты любишь театр?

– Нет.

– А кино?

– Кино люблю. Маркос...

– И я! Обожаю! У тебя какой любимый сериал?

– «Во все тяжкие», «Светлячок».

– Хм... А как насчет «Теории большого взрыва»?

– Не люблю мелодрамы и ситкомы, – тоскливо косясь на дорогу к дому, вздохнула я.

– Прекрасно! Слушай, не хочу тебя забалтывать. Но мне было бы интересно взглянуть на твой отель, если ты не против. Видишь ли, я занимаюсь гостиницей отца в Рефимно и веду еще несколько проектов. Обещаю не красть идеи. – Он запрокинул голову и неожиданно высоко рассмеялся.

«Папенькин сынок, – думала я, глядя на его дергающийся кадык. – Стулья с мантинадами перед визитом коллеги спрячу, а остальное пусть смотрит. Все же сын Иванова партнера...» Дала телефон и быстро распрощалась.

Когда я свернула к отелю, на парковке показалась встречающая меня Мария. Рукой она прикрывала глаза от низкого солнца.

– Что-то ты долго, – сказала она, когда я заглушила мотор.

Вечером пришла эсэмэска от Маркоса:

«Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина. Узнаешь?»

Я вздохнула.

«Я могу процитировать дальше по памяти. А ты долго рыл интернет?»

«Нет! Это мое любимое произведение у Булгакова. Я

не сказал тебе – чтение моя страсть. Одна из. Могу я захватить завтра?»

Чрезвычайно приткий молодой человек. Но пусть приезжает. Интересно, что скажет собрат во искусстве. Если только желание ухлестнуть за мной не придушит его профессиональную искренность.

Назавтра в пять часов вечера красный кабриолет въехал на парковку. Я специально назначила это время: мужчины по случаю пятницы собирались в Спили – посидеть с шурином Янниса за кофе и заодно забрать электропилу, одолженную ему неделю назад.

Маркос явился в белой рубашке навыпуск с букетом ромашек.

Когда мы поднялись на террасу, занимающую весь второй этаж таверны, он закусил губу, глядя на бухту. Она отсюда была как на ладони. На волнах покачивались два катерка, привезших дайверов – их трубки сновали у скал.

– Вау! Вот здесь вообще супер! А вывеска у тебя уже готова?

Вывеску я начала делать недавно: сбив между собой две доски, немного скруглила края и теперь занималась их брашированием¹⁰. По замыслу она должна была напоминать выкинутые морем обломки корабля. И держаться на чугунных

¹⁰ Браширование – обработка дерева, в результате которой оно приобретает более текстурный вид. Также этот способ называют искусственным старением древесины.

цепях над входом.

– Здорово, – отозвался Маркос, когда я все это изложила, – но еще нужна вывеска здесь, на террасе. Причем крупная, чтобы было видно с пляжа. Реклама, которая не потребует от тебя затрат, но ежедневно будет приводить на обед новых клиентов.

Это был дельный совет. Маркос сделал картинный жест рукой, когда я благодарила его, – мол, ерунда. Но было видно, что ему приятно.

«Интересно, сколько лет коллеге? Вряд ли больше тридцати», – пронеслось в голове.

Мы спустились. Пока я готовила кофе, пришла Мария. Поздоровалась со вставшим при ее появлении Маркосом, взяла кувшин с водой и ушла. Приходила, чтобы взглянуть на него, ясно. Пока мы сидели за столиком и болтали, он немного смущался, в глаза мне не смотрел и иногда замолкал, подбирая слова. Рассказал, что учился в Лондоне и там же работал у друга в ночном клубе – дизайнером и администратором. Что обожает спектакли и балет и ходил в 2013 году на «Лебединое озеро», когда Большой театр приезжал в Лондон на гастроли. Из русских писателей, помимо Булгакова, любит Достоевского, Чехова и детективы Бориса Акунина про Фандорина.

Прервав устное сочинение о любви к русской культуре, я спросила, не собирается ли он возвращаться в Англию.

– Собираюсь, – охотно откликнулся он, – очень люблю эту

страну. И знаешь... – Он слегка обернулся через плечо – посмотреть, нет ли Марии. – Никто меня там за грека не принимает. Считают, что я англичанин.

– Я тоже сперва так решила.

Пушистые ресницы затрепетали, и он вспыхнул совсем как мой племянник, когда на пятый день рождения родители подарили ему большой красный грузовик. Я поспешно опустила глаза, чтобы не обидеть одухотворенное создание насмешкой.

Перед сном я зашла в таверну, вынула ромашки Маркоса из вазы и, обвязав стебли веревкой, повесила под потолок – сушиться в компании других растюшек.

Теперь каждое утро начиналось в моем телефоне четверостишием из Шекспира, Кипплинга, Бродского. Далее впечатления от просмотренного перемежались с рассуждениями о прочитанном. Скорее, витиеватыми и запутанными, нежели глубокими. Просматривая его длинные послания перед сном, я поражалась, сколько у человека свободного времени. Маркоса не обижали короткие ответы раз в сутки: он относил это исключительно на мою загруженность. Сам он занимался не столько дизайнерскими проектами, как сообщил при знакомстве, сколько покатушками с друзьями между пляжами южного берега и ночными клубами северного. И крутил романы с девушками, о чем рассказывал мне во всех подробностях, видимо делая ставку в завоевании меня на откровенность.

Однажды он приехал и мы спустились в бухту – полежать у воды, выпить апельсинового сока. Совместный поход на пляж, хоть и на обычный, не нудистский, в понимании Маркоса означал выход отношений на новый уровень.

Вечером пришла эсэмэска:

«Сегодня я не мог оторвать глаз от твоих губ. Это Африка. Страсть. Желание. У меня кружится голова, я слышу тамтамы!»

«Ну все, Вера, баста, – сказала я самой себе, – пора прикрывать лавочку. Коли мужчина заговорил о твоих губах, значит, решил, что близость не за горами».

И написала:

«Маркос, я не в состоянии оценить твои усилия. Прости, но давай заканчивать. У меня слишком много работы, поддерживать столь интенсивное общение я не могу».

Последующую дробь сообщений я не читала и на ночь отключила телефон. Спала сладко, решив, что вряд ли увижу Маркоса в скором времени, поскольку его тактика – измор, а не наступление.

Не тут-то было!

Утром в дверь комнаты постучали. Удивляясь, что могло заставить Марию разбудить меня, я открыла. Да, это была она. Подтянутая и, как всегда, одетая по обычаю пожилых критянок в черное.

– Доброе утро. Посмотри-ка в окно. Накинь только что-нибудь.

Уже догадываясь, что увижу, стянув со стула плед, я вышла на балкон. Так и есть. Внизу посреди лужайки сидел Маркос.

– Доброе утро, нам надо поговорить! – крикнул он.

Повернув голову, увидела завтракающих перед таверной Янниса и Димитриса. Прихлебывая кофе, они наблюдали за происходящим. Даже сдвинулись поближе, чтобы удобнее было обсуждать действо.

Представила этот греческий театр со стороны – с влюбленным на лужайке, зрителями в партере, безмолвной Марией, всклоченной героиней в покрывале, – и меня скрутил хохот.

Махнув рукой Маркосу, что сейчас спущусь, юркнула в ванную. Я чувствовала внутри себя веселые злые пузырьки. Быстро умывшись, взяла сетку с масками.

– Пойдем, – кивнула я Маркосу и зашагала по песчаной дорожке через холм.

Едва поспевавший за мной кавалер спрашивал, куда мы идем. Но скоро замолчал, задыхаясь от быстрой ходьбы. Дойдя до обрыва над дюнами, я остановилась. Небо было безоблачным. Безжалостным.

Я повернулась к Маркосу:

– Что ты хотел сказать?

– Что хочу быть с тобой, только и всего.

Не дождавшись ответа, спросил:

– Дело в Иване?

– В ком? Господи, нет.

И начала спускаться по дюне.

– Только не сходи с тропинки, – кинула я через плечо Маркосу.

Поздно. Он уже оступился и проехался лодыжкой по одной из плит, подступавших в некоторых местах близко к поверхности песка. На икре набухали три длинные царапины. В его взгляде, устремленном на меня, были недоумение и обида. Я отвернулась, продолжив спуск молча. По ранней поре на пляже никого не было. Скинув майку и шорты, я потуже завязала на шее купальник и протянула Маркосу одну из масок. Но он стоял, смотрел на меня и не двигался. Я нырнула.

В ушах шумело, и дно, видимое в прозрачных водах Ливийского моря на несколько метров, сейчас сливалось и качалось перед глазами.

Вынырнув, поплыла к берегу быстрыми гребками, точно подталкиваемая злостью. Встала перед сидящим на камне Маркосом и спросила:

– Что ж ты за грек такой, что не любишь море? Как можешь ты не уходить в него с головой и не дышать до одури травами? Ах, да, – усмехнулась я, – ты ж англичанин!

Он хотел ответить, но мной владело такое раздражение, что замолчать я уже была не в силах:

– У тебя поцарапана нога, как можно лезть в воду... Какой ты нежный, Маркос. Зато так хорошо разбираешься в музы-

ке и литературе! Но где, черт возьми, ты вычитал всю эту ересь насчет стихотворных цитат и рассказов о своих романах?

Тут я осеклась и наконец замолчала. Висела в воздухе водяная пыль, вставали вдали три скалы Триопетры. Мой мир молча смотрел мне в глаза. На кого я злюсь: на человека перед собой или на себя? Обвиняя его в инфантилизме, не инфантильна ли сама – серчающая на поклонника за то, что разочаровал меня.

Избегая встречаться взглядом с Маркосом, я стала карабкаться по склону. Наверху подождала красного, с прилипшими к потному лбу волосами кавалера – подниматься по дюне с непривычки очень тяжело. Я перестала задыхаться только после пары недель ежедневных лазаний вверх-вниз.

– До свидания, – сказала я и пошла по тропинке к отелю.

Обернувшись через плечо, увидела его фигуру на краю дюн. Он смотрел на ослепительную синеву перед собой, пытаясь отдышаться.

Злость моя отступила, как отступает опьянение. Пришли усталость и, что неприятно, раскаяние. Все же надо отдать должное незлобивому характеру Маркоса... Честнее было сразу свести на нет общение, чем таскать его вверх-вниз по склону и говорить обидные слова.

Весь день я уныло бралась то за одно, то за другое. А вечером позвонил Иван:

– Наше вам с кисточкой. Вер, какого хера ты доводишь

до истерик богатых мальчиков?

К тому времени я сидела на балконе, пила коньяк и смотрела на звезды.

– Вера, с критской золотой молодежи надо обращаться нэжно-нэжно, у них очень чадолюбивые родичи.

– Ну и что? – отстраненно спросила я.

– А то, – взорвался Иван, – что он сын владельца здания, в котором у меня таверна, твою мать! А сегодня он делает дебош в ханьевском клубе с пьяными слезами и выкриками твоего имени. Его бережно выносят, везут к папе. Папа звонит мне. Оно мне надо?

– Маркос? Дебош? – Я счастливо рассмеялась. – Значит, ничто человеческое ему не чуждо!

Иван помолчал.

– Ты нализалась?

– Я думала: ах, цветочек аленький сломала! А он никакой не цветочек, он, знаешь, бабник какой?! У-у-у-у...

– Ты нализалась.

И фыркнул:

– А синхронно это у вас. Может, и впрямь – любовь?

– Иди ты!

– Ладно, любя моя, топай до кровати. Завтра я приеду. На выходные. Посмотрю, что там у вас за межнациональный любовный хоррор.

Назавтра Ваня явился, когда я пила кофе на кухне таверны, прячась от солнечных лучей, как вампир. Ибо с конья-

ком вчера перебрала.

«А хорошо, что Маркос не знаком с Иваном, – думала я, глядя на фигуру, возникшую в дверном проеме. – Иначе точно решил бы, что у нас любовь, и мучился еще и от ревности. Потому что как с таким не может быть любви?»

За лето Иван загорел до темно-бронзового цвета. И, когда улыбался, белые зубы и серые глаза ослепляли.

Обведя взглядом кухню, он прищурился на травы под потолком.

– Мария сказала, что из цветов ухажера ты собираешь лекарственный гербарий. – Тут Иван начал ржать, сгибаясь по полам.

– Мать, да ты совсем одичала! Следующий пункт – насаживание голов поклонников на шесты ограды! Надеюсь, ты хотя бы не трахалась с ним. Иначе, как честная женщина, обязана взять хлопца замуж, – продолжал веселиться он.

– Он младше тебя на пять лет. Ты знала? – отсмеявшись, спросил Ваня.

– Догадывалась, Петросян, – буркнула я.

– Ну, не журишь. Будет. Мария говорит, ты со вчерашнего дня рефлексируешь.

– Что, так и сказала – «рефлексируешь»?

– Смысл был такой. Еще сказала, что ты похожа на царевну из русской сказки. Тихо живешь в глуши. Ткешь, стряпаешь, собираешь экологически чистые корешки.

Он улыбнулся:

– Пойдем, царевна, дядько Иван привез тебе няшку за хорошую работу.

Видно было, что «дядько» пребывал в отличном настроении. Он привел меня на парковку и указал подбородком на зеленый «лэнд ровер». Был он уже не первой молодости. С поцарапанными дверьми.

– Не все ж тебе машину у Димитриса с Марией одалживать. А этот – один из первых джипов в нашей конторе. Вид у него уже не айс, в аренду мы такие не сдаем. Но внутренности в порядке, Михалис лично занимался.

Остаток дня мы обходили хозяйство, обсуждали сделанное и что еще предстоит сделать. Вечером устроились на верхней террасе таверны. Сквозь тростниковый настил на крыше солнце линовало пол.

Иван растянулся на большой, сшитой мной подушке в левом углу, откуда была видна и бухта, и скала-дракон. Приезжая, он каждый раз садился сюда. По моему замыслу терраса служила местом чистого релакса. Вместо стульев – напольные подушки, перед ними – низкие столики и гамаки меж подпорками.

– Ну что, – сказал он, поднимая бокал с метаксой, – обмоем машинку. Видишь, все персонажи любовной драмы получили утешительные призы.

– А Маркос что получил?

– Ну уж папка утешит, не сомневайся. А тебя, моя рыбонька, кому, как не мне, утешать? – И он со смехом обхва-

тил меня правой рукой.

Так мы полулежали улыбаясь, глядя в сгущавшийся вечер. Закурив, Ваня посерьезнел:

– Дядя меня беспокоит. С мая мы с ним не виделись: просил не приезжать и не звонить. Сказал, что сам со мной свяжется... Но я в сентябре все равно съезжу к нему.

– А в чем дело?

Иван затянулся, выпустил дым:

– Ты новости совсем не смотришь? Все лето на Крите только и разговоров, что о сделке, которую хочет заключить настоятель дядиного монастыря. Архимандрит Тихон его зовут. Про это хоть в курсе?

– В курсе, говори дальше.

– Говорю. Архимандрит собирается продать часть монастырских земель под строительство крутого курорта: пятизвездочные отели, яхт-клуб, опреснительный завод и все такое. По этому поводу в Ираклионе¹¹ случился митинг: археологи и прочие гринписовцы бунтовали против застройки заповедной земли.

Под заповедной землей друг мой имел в виду Астерусию – горный массив на юге Крита, восточнее нашего Агиоса Павлоса. Дороги там большей частью грунтовые, бухты – безлюдные, а деревушки – редкие. Среди выгораемой к августу растительности оазисами лежат сады немногочисленных монастырей. Тот, в котором жил дядя Ивана, был окружен бо-

¹¹ Ираклион – столица Крита.

гатыми виноградниками и оливковыми рощами – сказывалось его расположение в предгорьях Астерусии, ближе к плодородной равнине Мессара. Но земли, принадлежащие монастырю, были обширны, и не возделанная их часть простиралась скалистыми отрогами до самого Ливийского моря, давая приют в прошлом монахам-отшельникам, а ныне стервятникам да гекконам. Вот там, на останках минойских и римских поселений, и собирались построить курорт.

– А покупатель кто?

– Я знаю? Вроде итальянец наполовину. Хотя компания у него вполне греческая. А настоятель задумал на вырученные деньги чуть ли не Критский Афон устроить в Астерусии, на монастырских землях.

– Отдав их часть турбизнесу? Как-то нелогично.

– То-то и оно. Особенно учитывая личность отца-настоятеля. Про него даже дикие люди вроде тебя слышали... Не бей меня по голове, женщина!

Настоятель на острове был известной фигурой: при нем в монастыре открылась бесплатная школа ремесел, где монахи учили детей рисовать и столярничать. Часть выручки за проданные вино, масло и мед, которые делали насельники монастыря, перечислялась в сиротский приют для девочек при соседней женской обители. Также монастырь жертвовал деньги на строительство сельских больниц и школ в разных концах острова. Архимандрит Тихон слыл человеком благочестивым, к стяжательству не склонным – по церковным

праздникам выстраивалась большая очередь желающих получить его благословение.

Ваня вздохнул:

– Тут еще в другом, знаешь, странность. Зимой и весной дядя был офигенно веселый, светился весь. Будь он мирянином, я б решил, что влюбился на старости лет. Раз, когда я к нему приехал, встретил меня с таким, знаешь, – Ваня сделал виток рукой с сигаретой, – взглядом горящим. Обнял и в макушку чмокнул. Он так последний раз делал, когда мне лет десять было. И все про благословение Божье твердил. А в следующий приезд уже был мрачный и дерганый. И лицо серое, за сердце то и дело хватался. Сердце ж больное у него. Просто тут, на Крите, оно почти не беспокоило его... до недавнего времени.

– Ну а говорит-то он что?

– Та ничего не говорит! И мобильник отключил, который я ему подарил, чтобы на связи всегда был. Съезжу, в общем, к нему.

Вечером, когда за Иваном заехал Михалис и они отбыли в Ханью, я позвонила Маркосу. Вместе с уходящим летом хотелось закончить и эту историю.

Маркос был сдержан. Делал длинные паузы между репликами. Вероятно, не только от волнения, но и от похмелья. Я извинилась за резкое поведение и пожелала ему удачи. Давно, в завершении краткого и не особо счастливого романа, один человек сказал: «Удачи тебе, Вера». Фраза его была что

похоронный колокол. И правда: та часть моего сознания, что еще оставалась по-детски припухлой, поуменьшилась в объемах. Со временем я превратила личный ужас в орудие расставания. Испытывая при этом тайное удовольствие от легкости, с какой произносила страшные для меня когда-то слова. В чем, конечно, была изрядная доля самолюбования.

Заканчивался сентябрь. Земля и небо дышали эфиром разогретых трав. Именно тогда опасные перемены, точно грозовой фронт, подошли к нашей бухте.

Керосиновый фонарь на ветке тамариска качнулся и погас для меня навсегда.

Однажды ночью я проснулась часа в три: луна уже сделала дугу над бухтой и сместилась к западу. Разбудило меня ясное ощущение постороннего присутствия. Поднявшись, как была, в длинной ночнушке, подошла к дверному проему в соседнюю комнату.

Лунный свет заливал зал. За круглым столом сидели четверо.

Первый – старик в длинном залатанном балахоне. Лицо его было исхудавшее, с тонким длинным носом и большими глазами. Оно напоминало бы лики византийских икон, если бы не спутанная, клочковатая борода. По правую его руку помещалось жуткое существо – получеловек-полупень,

оплетенный корнями. С шевелящимися волосами до пола. Или это были змеи? Напротив старика сидела женщина в светлом хитоне. Голову ее венчала корона из листьев и веток. А рядом, между ней и стариком, сияло удивительное создание. Я не могла понять, кто или что это, в перетекающем радужном свете едва угадывалась фигура.

Я глубоко вздохнула, зажмурилась и вновь взглянула. Картинка осталась прежней. Они сидели и молчали, никак не реагируя на мое присутствие.

Мне не приходило в голову заговорить с ними. Чем больше я смотрела, тем меньше сомневалась в реальности происходящего. И понимала: увиденное неслучайно, мне его показывают, не ожидая ответной реакции.

Каждого из сидящих за столом окружала своя реальность. Достаточно было взгляда, чтобы проникнуть в нее.

Старик. Я чувствовала запах свечей и ладана. Слышала плеск парусов и скрип канатов. Из глаз его исходили лучи.

Я поворачивала голову и видела массивное, корявое существо. Хотелось кричать, закрыть лицо, забиться под кровать, лишь бы не видеть этого никогда. Ужас и отчаяние были его спутниками.

Поскорее отвела глаза.

Женщина. Вот каменистый мыс и море под ним. Луна широко кидает серебро на темную гладь. Слышится чей-то смех.

Номер четыре. Светящаяся фигура. От взгляда на нее де-

лалось так хорошо! Самолеты и корабли, сколько бы их ни было на свете, уходили в рейсы. Я махала им из центра вселенной, в котором плескалось столько тепла и света, что казалось: весь мир придуман ради меня. Не знаю, как долго я глядела на нее – могла бы бесконечно.

Отступив вглубь спальни, я вышла через балконную дверь на террасу. Заглянула в зал и ничего не различила, кроме мазков лунного света на стекле. Вернулась. Комната была пуста.

Вдруг накатила усталость – такая, что, едва добравшись до кровати, я повалилась лицом в подушку и уснула.

Утром вошла в большую комнату. Вот стулья с высокими спинками. Вот стол. И надпись «Дима Билан!» на нем. Может быть, Иван прав – я одичала? Постояв за каждым стулом, я пришла к выводу, что женщина в хитоне мне знакома. Имя ее мелькнуло в мозгу, еще когда смотрела на нее. Это Диктинна. Критская богиня, покровительница рыбаков и охотников. Сидевший напротив нее старик с огненным взглядом тоже мне известен, только имя его я никак не могла ухватить.

Весь день я перебирала в уме истории о встречах с потусторонним. Ничего из них не вынесла. Ни боли в виске, как у Маргариты, ни беспокойства, ни тем более необычных способностей, вроде умения летать, не наблюдалось. Все было как всегда.

За ужином мои смотрели новости: еще летом Димитрис приладил телевизор над входом в таверну. Известия были

печальные. Накануне, 2 октября, в автокатастрофе погиб архимандрит Тихон. Настоятель возвращался из Ираклиона вечером и на горном шоссе, не справившись с управлением, как говорили в полиции, вылетел в пропасть. «Амарок» нашли на склоне возле камня, остановившего его падение. Ко времени приезда бригады скорой помощи архимандрит уже перешел в мир иной. После кадров искореженного автомобиля на оцепленной желтыми лентами дороге корреспондент кратко пересказал факты о намерении настоятеля продать часть монастырских земель и последовавшем за тем митинге. Но поскольку новых данных по сделке у него не было, в прямом эфире пошел следующий сюжет.

На следующий день я позвонила Ване, чтобы узнать о самочувствии дяди. Трубку Иван не взял. Его ханьевская квартира тоже не отвечала. Подумала, что Ваня уехал поддержать отца Тимофея. И решила пока не дергать друга.

Через четыре дня Иван перезвонил и сказал, что дядя умер от сердечного приступа.

Глава 1. Первое письмо. Два Георгиса

Ваня приехал вечером. Завидев мечущиеся по серпантину огоньки фар, я выбежала к дороге. Что это он, сомнений не было. Пару часов назад Иван звонил из аэропорта, куда отвез прилетающих на похороны мать и сестру. И оттуда поехал ко мне.

Закусив кулак, я смотрела, как даже на сравнительно прямых участках машину кидает из стороны в сторону. Все фонари на территории и окна в отеле были зажжены, чтобы Ваня не промазал мимо въезда.

С ревом «сузуки джимни» внесся на парковку, чиркнув крылом по бордюру.

Мотор выключили, и спустя несколько секунд из дверей показался пошатывающийся Иван. В мятой темной рубашке и с хорошо початой бутылкой водки в руке. Я потянулась обнять его, но он отстранился и пошел к таверне. Чуть помедлив, я последовала за ним. Из дверей отеля выглянула Мария. Быстро проговорила, что они с Димитрисом заберут сейчас Янниса и уедут, а я завтра ей позвоню. Обняв и перекрестив меня, она ушла.

Час Ваня не находил себе места. Потом спустился на пляж. Там долго сидел, глядя в дышащий солью мрак. До-

пив водку, полез в море как был – в кроссовках, джинсах, рубашке. На ногах он держался с трудом и, поскользнувшись на подводных плитах, еле выбрался на берег. Запустил бутылку в воду и повалился лицом в песок. Выловив бутылку, я опустилась рядом с Иваном. Осторожно взяла за плечи и, прижавшись щекой к виску, прошептала:

– Пойдем...

На сей раз он не сопротивлялся и дал увести себя с пляжа. Обхватив его за талию, я медленно поднималась по лестнице. Тяжелый он был до черных мушек перед глазами. И не скажешь, глядя на сухощавое телосложение. Ваню шатало, и, чтобы не упасть, я цеплялась то за перила, то за деревья. Возле дверей отеля он оттолкнул меня, согнувшись пополам, упал на колени. Его вырвало.

В спальне мне удалось раздеть дрожащего, лязгающего зубами Ивана до трусов.

– Дальше сам. Снимай и ложись в постель, – сказала я, выходя за дверь.

Класть его в огромной пустой комнате не хотелось, несмотря на то что я застелила там диван пару часов назад. Когда звуки за стеной стихли, заглянула к нему. Иван скорчился в моей кровати, натянув одеяло до носа. Походил на больного кота. Мученически скосив на меня глаза, зашевелился, забормотал, желая подняться и ковылять в неизвестное. Я села рядом с подушкой, опустила руку ему на лоб и негромко запела колыбельную. Потом стала мурлыкать все

приходящие на ум песни. До ночи так и просидела – бормоча и клюя носом. Когда Ваня наконец крепко заснул, ушла спать в соседнюю комнату.

Утром я собрала разбросанную по полу сырую одежду. Вынула из кармана джинсов связку ключей: один длинный с большой головкой и два мелких. Прихватив вываленные в песке кроссовки, отнесла все это стирать-чистить в подсобку.

Ярко светило солнце, внизу, в море, резвился какой-то ребяенок.

– Господи, спасибо тебе, что уберег его вчера ночью! – пробормотала я, вдыхая запах розмарина из Мариинового огорода, и перекрестилась.

Под вечер, когда одежда, развешанная на веревке меж олив, почти высохла, Иван проснулся. Я устроила его на террасе таверны, в любимом углу. В качестве временного облачения дала спецовку Янниса, в которой Ваня смешно болтался и постоянно поправлял съезжающие лямки. Заварила крепкий кофе, нарезала салат, поставила перед ним тушеного козленка, приготовленного Марией накануне. Несмотря на горе, молодой организм требовал свое, особенно после вчерашних возлияний. Доев все и выпив вторую чашку кофе, Иван откинулся на подушку, закурил и закрыл глаза. Говорил будничным тоном, медленно, пуская дым в потолок.

Иеромонаха Тимофея с сердечным приступом доставили в больницу Ираклиона на следующий день после аварии,

в которой погиб архимандрит. И ближе к вечеру он скончался от острой сердечной недостаточности. Похоронили отца Тимофея рядом с его наставником и другом, которого он пережил лишь на сутки.

– Но вокруг его смерти слишком много всякой... – Ваня сделал неприличный жест средним пальцем и соответствующе выразился.

– Во-первых, после похорон ко мне подошел его друг Костас, который держит ресторан в Рефимно¹², и передал ключи... Кстати, где они?

Я успокоила Ваню, что связка цела.

– Сказал, что за два дня до смерти дядя приехал к нему и без объяснений вручил ключи с просьбой отдать мне в случае его кончины. Во-вторых, за неделю до... всего этого ко мне в контору заявился еще один дядин друг. И сказал, шо дядя просит дать ему машину на четыре дня – ключи передать с ним, с другом. А саму машину дядя сдаст потом в наш ираклионский офис.

Ваня помолчал.

– Возле ираклионского офиса он и услышал по радио сообщение о смерти архимандрита, оттуда его и увезли в больницу. Но есть еще и в-третьих. Теперь говорят, что смерть архимандрита не несчастный случай. Что с дороги его столкнули...

– Кто говорит?

¹² Рефимно – крупный город на северном побережье.

– Все говорят. На похоронах, например. Дескать, на заднице «амарока» вмятина. Понимаешь?

– Имеешь в виду, дядя не связывался с тобой напрямую, потому как боялся впутывать тебя... во что-то?

– Да, именно это я и имею в виду.

Под глазами у Ивана были темные круги, на щеках – отросшая щетина.

– Я не понимаю, что за херня происходит. – Он потер веки рукой.

– И, Вер... я так и не доехал до него. Собирался как раз в эти выходные, – тихо закончил он.

Зазвонил мобильный. Еще под властью тяжких дум Ваня ответил, но тут же нахмурился и резко сел. Отравленному алкоголем организму такое не понравилось. Лишь подавив приступ тошноты, похлопав глазами и сосредоточенно подышав сперва носом, потом ртом, как на приеме у терапевта, Ваня смог продолжить разговор:

– Да... Что именно? Когда? Хорошо... Но я приеду не один, а с близким другом. Хорошо.

Нажав отбой, помолчав, сказал:

– Так... На Крит прилетел какой-то митрополит. То ли Филимон, то ли Филарет, то ли черт его знает как. Хочет меня видеть. Есть что сказать про дядю. Про его духовное завещание. Мне. – На этом месте Ваня нецензурно выругался.

Я села к нему на подушку:

– Вань, не бесись. Я понимаю, что тебя злит.

– Да?

– Да. Но он совершенно точно хотел тебя от чего-то убедить. Когда ты встречаешься с митрополитом?

– Завтра, в двенадцать. В храме Святой Троицы в Ханье. Вер, поедешь со мной, а? – его тон моментально утратил ершистость, став просительным. – Не очень-то я с попами привык гутарить. – Он осекся. – Дядя не в счет, он не... поп.

– Конечно, поеду. Только напряги мозг, вспомни, как зовут митрополита.

– Филарет. Кажется. – Ваня вздохнул и закрыл глаза.

Он осунулся и похудел за те дни, что мы не виделись.

– Ну и славно, пойдем теперь баиньки, – потянула я его за руку.

– Ты со мной как с дитем, – усмехнулся он.

Впервые за это время. Но поднялся и пошел.

Спать Иван снова бухнулся в мою кровать. Перед сном я заставила его выпить отвар вербены. Мария учила, что это одно из лучших средств при похмелье.

Ей сразу и позвонила. Договорившись, что они приедут завтра, спросила:

– Как принято одеваться к высоким церковным чинам? Ну или вообще – на исповедь? У вас же не обязателен платок?

Мария подтвердила, что платок на голову не нужен. В одежде достаточно неброских тонов и закрытых рук, ног. Еще поведала, что митрополит Филарет был православным главой одной из областей на севере Греции.

– Ты настоящий кладёзь информации, – прочувствованно поблагодарила я. Интернета в отеле пока не было.

– Как Иван? – спросила она.

– Так себе...

– Не волнуйся, – просто сказала Мария, – езжай и делай, что нужно. Мы тут за всем приглядим.

Я невольно улыбнулась. С одной стороны, можно было сказать, что денег, которые Ваня платил им с Димитрисом, вполне хватало на такую добросовестность: не все в деревне, где они жили, могли похвастаться пусть и небольшим, но стабильным доходом. С другой – оба пожилых критянина прикипели к отелю. И относились к нему как к своему детищу. В словах Марии было смешение первого и второго.

Утром Иван соскреб с лица щетину бритвой Димитриса.

Я же впервые за долгое время открыла шкаф в большой комнате. Все лето мой гардероб – шорты и пара маек – умещался на спинке стула в спальне.

Примерила перед зеркалом черные водолазку с рукавами по локоть и длинную юбку. Волосы заплела в косу, попутно отметив, что кудри уже ниже лопаток. Уезжая из Москвы, я остригла их по плечи. Быстро же они отрасли, закручиваясь от соленой воды в тугие кольца у висков.

Застегивая манжеты на рубашке, в комнату вошел Иван.

– Ваня, как я выгляжу?

– Если б это была не ты, я сделал бы тебе хорошо и приятно.

Отлично. Друг постепенно приходит в себя.

– Вот я и думаю: не слишком водолазка обтягивает? Поменять?

Он фыркнул:

– И паранджу надень. Нормально ты одета. К дяде на исповедь тетки так и ходили. Просто комплекция у всех разная.

Подгоняемая Иваном, я кинула в маленький рюкзак кошелек, косметичку и телефон с зарядкой. Заперла входную дверь, и на Ванином «сузуки» мы отбыли прочь.

Несмотря на нервозность, владевшую недавно вернувшимся в мир трезвенников водителем, рулил он аккуратно. И я еще раз мысленно поблагодарила Создателя, что позавчерашняя пьяная езда по серпантинам обошлась благополучно.

На перевале мы попали в туман. Ехали медленно. По ту сторону гор Крит покрывала хмарь. Так часто бывает: север и юг острова, разделенные скалистыми хребтами, являют взору разную погоду. Когда мы въехали в Ханью, изморось затянула лобовое стекло.

Навигатор победно кулдыкнул, и Ваня остановился возле железной ограды. Покидая утром солнечный Агиос Павлос, зонтов мы не взяли и потому, шмыгнув в ворота, заторопились по мощеной дорожке к главному входу в церковь, над которым развевался желтый флаг с двуглавым орлом¹³.

¹³ Двуглавый орел – герб Элладской православной церкви.

Вся территория была усажена пальмами и цитрусовыми деревьями. А сам храм с его песочного цвета стенами и аккуратной колокольней построен явно в эпоху критского Возрождения¹⁴.

Из темного зева дверей выбежал священник с зонтом и, подхватив полы рясы, заспешил вниз по ступеням нам навстречу.

– Добрый день, вы Иван? – спросил он, жестом приглашая под свой огромный зонт. Получив утвердительный кивок, представился:

– Меня зовут Иларион. С приездом! Я проведу вас с вашей спутницей...

– Вера. Очень приятно!

– Взаимно! Я проведу вас к Его Высокопреосвященству.

– Скажите, пожалуйста, – спросила я, – как следует обращаться к митрополиту?

– Вполне уместно говорить ему Владыка...

Обогнув церковь, мы вошли в одноэтажную пристройку. Иларион постучал в дубовую дверь и не успел опустить руку, как высокие створки распахнулись.

– Прошу, входите! Жду вас! – пророкотало откуда-то сверху. И огромный человечище отодвинулся в сторону, давая нам дорогу.

Комната была просторна и светла. Следуя приглашающе-

¹⁴ Критское Возрождение – период в критском искусстве с XV по XVII век. Характеризовался слиянием византийской и итальянской традиций.

му жесту, мы опустились на скамью по одну сторону стола у окна.

Поблагодарив нашего провожатого, митрополит закрыл дверь. Был он под два метра ростом, с богатой седой бородой до середины груди. Облачен в черную рясу и белый клобук, от которого казался еще выше. Сев напротив, приложил руку к груди:

– Я митрополит Филарет. Благодарю, что нашли время и так живо откликнулись на мою просьбу!

– Рад знакомству. Я Иван, это Вера.

Митрополит взглянул на меня без кивка и улыбки. Но так спокойно и доброжелательно, что я тут же почувствовала себя комфортно, словно в ветреный день мне на плечи накинули шаль. Хотя гораздо больше его интересовал Иван. На него он смотрел с надеждой, ведя какой-то внутренний монолог, предмет которого нам был пока не ясен.

Из стеклянного чайника митрополит разлил по чашкам душистую малотиру – горную травку, пожалуй, самый популярный на Крите чай. И приглашающе повел рукой на финики с цукатами в вазочке:

– Угощайтесь, прошу вас!

Я с удовольствием сделала глоток. Малотиру любила всегда, а за последние месяцы и вовсе приноровилась пить ее по три раза на дню: в жару только она да ветер избавляли от желания спустить с себя кожу. Иван же машинально провел пальцем по чашке, не отрывая взгляда от Владыки. Тот

наклонил голову и сказал тихо:

– Соболезную вам, сын мой. За последние дни мы с вами понесли тяжелые утраты. Господь забрал к себе моего друга и давнего собеседника – архимандрита Тихона. Когда-то мы оба были послушниками Ставроникитского монастыря на Святом Афоне. И хотя впоследствии несли службу в разных местах, до самой смерти отца Тихона состояли в переписке. Священное Писание учит, что нам должно радоваться об ушедших в Царствие небесное и предвкушать встречу с ними, но... Все мы грешны в своей тоске. Что поделать, человек слаб...

Владыка задумчиво поглаживал бороду указательным пальцем.

– Еще скорблю по вашему дядюшке. Лично с ним, к сожалению, я не был знаком, но заочно давно наслышан от отца Тихона. Царствие им Божие. – Владыка перекрестился.

Ваня опустил голову. Даже не поворачиваясь к нему, я чувствовала его напряженное ожидание.

– Итак, – после паузы продолжил митрополит, и взгляд его из задумчивого сделался острым, – почему я побеспокоил вас. Иеромонах Тимофей говорил со мной по телефону за четыре дня до кончины. Он звонил из Ханьи, с аппарата в какой-то таверне. Сказал, что в деле нашем основное звено – вы, Иван. И просил сразу же найти вас в случае его смерти. Разговор тот встревожил меня до крайности...

– Владыка, – невежливо перебил его Ваня, – простите. Ес-

ли можно – в каком деле? У меня ощущение, что о моем дяде весь Крит знает куда больше моего.

– Скрытность отца Тимофея по отношению к вам была вызвана исключительно желанием защитить и оградить вас от той темной, мерзкой истории, в которую оказались втянуты они с отцом Тихоном.

«Ого!» – подумала я, глядя на митрополита. Взгляд его сейчас был грозен, губы плотно сжаты. Владыка явно гневался, хотя пока было не ясно, на кого именно. Беззвучно посердившись еще немного, он продолжил:

– Зимой этого года слуги божьи, архимандрит Тихон и иеромонах Тимофей, сделали удивительное открытие. Разбирая старые хозяйственные записи, ваш дядя нашел коробку с письмом. Оно было адресовано игумену Нектарию, бывшему настоятелем этого монастыря в середине XVII века. Писала его крестная дочь – дворянка София Да Молин из влиятельного венецианского семейства Ханьи. Судя по описываемым событиям, письмо было составлено накануне завоевания Крита турками. София сообщала места захоронения бесценных сокровищ. А именно...

Митрополит сделал паузу и испытующе глянул на нас:

– Евангелия от апостола Павла – оригинала и списков с него. И ключа, отпирающего тайник с рукописями.

С нерелигиозным Ваней эффект получился слабый. Я же изумилась, чем порадовала Владыку:

– Но как же от Павла? Разве есть такое Евангелие?

– До сих пор считалось, что нет. На сегодняшний день существует четыре канонических Евангелия: от Матфея, Луки, Иоанна, Марка. И если все, о чем я скажу, позже подтвердится, это будет одно из величайших открытий нашего времени как с научной, так и с духовной точки зрения.

При этих словах Владыка неожиданно резво для своей комплекции поднялся из-за стола. И дальше вел рассказ расхаживая по комнате и заложив руки за спину, как учитель.

– Вообразите, дети мои, какой трепет, какое благоговение должны были охватить сердца настоятеля и иеромонаха! Из письма девицы следовало, что ключ, открывающий тайник, находится в изножье гробницы ее матери при соборе Святого Николая в Ханье. Вы, безусловно, его знаете.

Мы кивнули. Собор был одной из достопримечательностей старого города: в одном крыле он имел православную колокольню, в другом – минарет.

– Во времена венецианского владычества, – продолжал митрополит, – это был доминиканский собор. В его усыпальнице нашли покой многие венецианские вельможи Ханьи, в том числе мать Софии. Турки, отбив Крит у Светлейшей, устроили из собора главную мечеть города. Ныне от бывших венецианских захоронений остался небольшой подвал, забраный решеткой, на площади перед храмом.

Ваня сказал:

– Знаю его. Это на площади 1821 года.

– Абсолютно верно! И, учитывая годы турецкой оккупа-

ции, было неизвестно, что осталось от захоронений... и осталось ли что-нибудь.

Владыка подошел к столу и допил остывший чай.

– К усыпальнице из домашней церкви Да Молинов вел подземный ход. Его рыли как возможный путь бегства из дома на случай вторжения турок в Ханью... что в итоге и произошло. Впоследствии и проход, и часть церкви уцелели при бомбежке Ханьи во Вторую мировую. Церковь была перестроена, и ныне в ней церковно-приходской архив, ключи от которого вам и передал дядя, Иван.

– Простите, Владыка, – снова перебил митрополита обладатель ключей, – а почему такие сложности? Зачем пробираться туннелем из какого-то архива, если можно сразу войти в подвал на площади? Неужто настоятель храма Святого Николая не помог бы? Подвал же прямо напротив входа в храм и вроде как к нему и относится.

Митрополит с удовольствием посмотрел на Ивана, как классный руководитель на смышленного школяра, и охотно кивнул:

– Конечно, сын мой, это более короткий путь. Но вообразите состояние двух наших заговорщиков... – Он помолчал, пожевав губами. – То есть отцов Тихона и Тимофея, я хочу сказать.

Владыка нравился мне все больше.

– Вообразите их чаяния и трепет. Сколько надежд! Но сколько опасений! А ну как если они ошиблись, непра-

вильно истолковав написанное? Письмо, конечно, историческое, но писала-то девица. У них на уме чего только нет... Простите, дочь моя, я имею в виду лишь определенную категорию девиц!

Я смиренно склонила голову, чтобы не смущать его улыбкой.

– Хм... Так вот. А если выяснится, что никакого ключа и, главное, самого предмета их помыслов нет? Выйдет нехорошо...

Владыка вновь принялся расхаживать по комнате.

– Получить доступ к церковному архиву отцу-настоятелю было просто. Ему сразу же после запроса передали дубликаты ключей. И ваш дядя отправился туда.

Митрополит со сверкающим взором остановился перед нами. О да! Мысленно он не раз проделывал этот путь с дядей Ивана и уж точно жалел, что не присутствовал лично.

– Прошел коридором и, представьте, обнаружил гробницу. А в ней – каменный ключ от тайника с манускриптами. Он был спрятан в Библии, которую держит мраморный ангел. Завладев ключом и руководствуясь указаниями в письме Софии, они с настоятелем поехали за главным сокровищем. Достали его из укрытия, привезли в монастырь. Высокопреподобный Тихон отправил мне послание, получив которое я уже не находил себе места от волнения. Тайник содержал два истлевших листка папируса: оригинал Евангелия и два списка-копии с него. Первый список, более старый, сохранился

частично. А вот второй, выполненный на пергаменте в виде кодекса, то есть как переплетенная книга, с Божьей воли дошел до нас в хорошем состоянии и являет собой практически полный текст Евангелия! Его содержание, по словам архимандрита, очень походит на четыре канонических. Есть лишь небольшие отступления, в которых Павел рассуждает о любви: христианской, супружеской, родительской... И хотя мне не терпелось самому прочесть рукопись, мы решили не допускать спешки и действовать крайне осторожно. Учитывая, сколько споров и нелицеприятных суждений породил отрывок Евангелия якобы от Петра¹⁵. И это притом что найдено оно было в XIX веке. Наше же время являет куда более сильные испытания для Церкви. Потому до получения результатов экспертизы мы решили держать все в тайне. Посвятили в предмет наших помыслов лишь самых надежных друзей среди духовенства. Ради чистоты эксперимента попросили отцов Тихона и Тимофея не называть место, где находился тайник с Евангелием и списками. Нам известно лишь, что он где-то в горах Астерусии. И вот на остров прибыли два монаха. Они забрали для экспертизы старейшие по времени документы: один из двух листов папируса от подлинника и первую копию Евангелия. Взамен оставили современный контейнер. Ящик сей водо- и пыленепроницаемый, устойчивый к давлению и действию минеральных солей! – Видно бы-

¹⁵ Евангелие от Петра – один из апокрифов, то есть произведений, не включенных Церковью в число канонических книг.

ло, что контейнером Владыка гордится особенно, перечисляя его свойства с таким удовольствием, будто лично наделил ими «ящик сей». – В него ради сохранности уложили последний по времени список с Евангелия, бесценный с точки зрения полноты изложения, а также один из листов-подлинников и собственно письмо Софии. И оставили в монастыре, в сейфе отца-настоятеля.

Митрополит вздохнул и вновь опустился на скамью.

– А дальше случилась история, приведшая к потере дорогих нашим сердцам людей. В доверие к отцу Тихону втерся некий делец. Желание архимандрита создать в горах Астерусии Критский Афон оказалось сильнее доводов рассудка. – Лицо его при этих словах стало печальным и суровым. Точно, объясняя нам причины произошедшего, он одновременно прощался со своим другом и отпускал ему грехи.

– Тому, кто жил на Святой горе, – продолжал митрополит тихо, – не забыть ее вознесенный к Господу мир. Вот и отец Тихон не забыл. Даже несмотря на активную жизнь в миру: он строил больницы, школы, окормлял паству на родном острове. Но была у него идея, постепенно овладевшая всеми его помыслами: построить Афон на Крите. Почему именно здесь? Вы, без сомнения, знаете, что именно к южному берегу пристало судно, везущее апостола Павла на суд в Рим. Именно в пещерах Астерусии издревле жили монахи-отшельники, один из которых, старец Арсений, учил чистой молитве преподобного Григория Синаита, а тот в свою

очередь обучил этому искусству исихастов¹⁶ на Афоне... По-
сему обретение в горах Астерусии Евангелия от Павла, пусть
и не подтвержденного экспертизой, было для отца Тихона
что знак свыше. А тут еще объявился человек с предложе-
нием купить часть монастырских земель, построить на них
гостиницу для паломников, проложить к ней шоссе и соору-
дить гавань. Остальное же пространство уставить скитами
и каливами на манер афонских. Вырученные от продажи зе-
мель деньги архимандрит мог пустить на возведение в дикой
части гор первого монастыря Критского Афона...

Владыка снова вздохнул.

– Отец Тихон был так пленен этой перспективой, что рас-
сказал новому другу о найденных манускриптах. Уверял ме-
ня, что человек он набожный, истинно верующий. И цель
у них с ним общая. Однако вскоре письма от настоятеля пре-
кратились, на звонки мои он не отвечал. Ну а потом позво-
нил ваш дядя, Иван. Сказал, что пару месяцев назад кон-
тейнер с рукописями из сейфа отца-настоятеля они перепря-
тали обратно в старый тайник. К тому времени архимандрит
Тихон убедился, что пал жертвой собственных заблужде-
ний. Ни о каком Критском Афоне его новый друг не помыш-
лял. Из телесюжетов настоятель узнал, что на монастырских
угодьях он планирует строить вовсе не скиты и каливы. Ко-

¹⁶ Исихазм (от *греч.* hesychia – «покой», «безмолвие», «отрешенность») – тече-
ние в монашестве. Подразумевает аскетизм, безмолвие, беспрестанную молитву.
Ставит целью единение с Богом.

гда же архимандрит пожелал расторгнуть предварительное соглашение о продаже земель, «набожный, истинно верующий человек» начал ему угрожать. Вскоре после этого они заметили, что за монастырем следят. Понимая, что дело принимает серьезный оборот, опасаясь прослушивания монастырского телефона, решили на случай своей кончины оставить указания, как найти тайник с манускриптами и ключ, отпирающий его. Отец Тимофей составил и спрятал в разных концах острова письма. Все они на русском, и указания в них понятны исключительно вам, Иван. О чем он и сообщил в той короткой телефонной беседе. К сожалению, это был наш первый и последний разговор. Иеромонах Тимофей умер спустя три дня... А накануне, в ночь, когда погиб настоятель, был вскрыт сейф в его келье. Искали Евангелие. И уже по официальной версии, которую не разглашают прес-се, автомобиль архимандрита с дороги именно что столкну-ли. В тот злополучный вечер отец-настоятель возвращался от юриста, с которым консультировался по поводу расторже-ния соглашения о продаже земель...

– То есть никто не знает, где Евангелие, точнее, его полная копия? – спросила я.

– Никто.

– Но зачем оно этим людям?

– Как ни мерзко произносить это слово, дочь моя, но мы считаем, что для шантажа. Даже в том виде, в каком руко-писи существуют теперь, то есть когда неясно, что именно

они собой представляют, это бесценные реликвии для Церкви. Чем обернется сей документ: трудом безымянного автора, или апокрифом, или же мы получим пятое каноническое Евангелие? Процесс это долгий, и не думаю, что отпущенного мне Господом времени хватит, дабы узнать ответ. Но в любом случае я благодарю Создателя за дарованное чудо! Ведь это же чудо – получить свидетельства о жизни апостола, принесшего свет христианства в Грецию! К сожалению, наша надежда служит для похитителей рычагом влияния, с ее помощью они попытаются оставить прежние договоренности о продаже земель монастыря в силе, если найдут рукопись раньше нас. По крайней мере, таково наше общее мнение.

Владыка помолчал.

– И вот я хочу спросить вас, Иван: можем ли мы рассчитывать на вашу помощь? Поиски – дело опасное. Потому не смею просить участвовать в них. Прошу лишь помогать переводить и растолковывать смысл найденного.

Иван потер лицо ладонью.

– Владыка, что еще сказал мой дядя в том телефонном разговоре?

– Сказал, что первое из писем он оставил в изножье гробницы матери Софии, под обложкой каменной Библии.

Иван кивнул. Ни меня, ни Владыки для него сейчас не существовало. Очнувшись, сказал:

– Я, конечно, берусь за поиски. Правда, я не силен в... разных богословских вопросах...

Митрополит улыбнулся:

– Благодарю за согласие! Прошу только о двух вещах. Будьте предельно осторожны! При малейшей опасности прекращайте поиски. И второе: держите их предмет втайне от родных, друзей, случайных знакомых. Видите ли, даже я скрываю настоящую цель своего нынешнего визита на Крит. Официальная версия – навестить духовного сына, настоятеля храма, в котором мы с вами сейчас находимся. Хотя, думаю, в конечном счете без обращения в полицию не обойтись. Что же до вашего... ммм... неполного владения темой – не беспокойтесь об этом. Мы не оставим вас без поддержки. Конечно, финансовой. А кроме того, и это главное, я дам вам в помощь моего духовного сына.

Мы с Ваней переглянулись:

– Отца-настоятеля храма?

– Нет. У меня два духовных сына. Я говорю о втором. Он не священник, но, возможно, станет им. Георгис – критянин, хотя давно уже творит богоугодные дела вдали от родного острова. На Крите многие знают его отца, служившего тут священником и трагически погибшего на Кипре, когда Георгис был ребенком. Сам же Георгис в прошлом военный. Так что защита у вас будет хорошая во всех смыслах.

– Я бы тоже хотела участвовать! – неожиданно для себя пылко воскликнула я. И чтобы скруглить детский тон просьбы, добавила, улыбнувшись: – Хоть я и девица.

Митрополит нахмурился:

– Я не могу вам запретить, но идея мне не нравится. – Он искоса взглянул на безмолвного Ваню и нахмурился еще больше. – Это опасное дело, и, по моему разумению, заниматься им должны мужчины.

– Но кто, как не женщина, сможет уговорить мужчину быть осторожным, отец мой! – проникновенно сказала я, разве что не прижав руки к груди. – Извините! Я хотела сказать Владыка.

В усах митрополита мелькнула улыбка:

– Ничего страшного... Пообещайте тогда, что в опасных ситуациях всецело будете слушаться Георгиса. Он человек опытный.

– Обещаю!

– Как с ним связаться? – спросил Иван.

– Он сам позвонит, когда прилетит на Крит из Афин. Его рейс ожидается, – Владыка приподнял рукав рясы, – через три часа. Если вы не возражаете, я оставлю ему ваш номер. Вот здесь, – митрополит протянул Ване лист из записной книжки, – номер моего телефона. И адрес церковного архива. Когда вы планируете навеститься туда?

– Сегодня вечером, – ответил Иван.

Митрополит склонил голову, затем взглянул на Ваню. Тот сидел целиком погруженный в раздумья, снова где-то за тридевять земель от меня. Владыка смотрел на него таким же долгим взглядом, как в начале беседы. Только на этот раз в его глазах была смесь сочувствия, тревоги и сомнений.

Когда мы выходили из храма, мне казалось, что надежный мир – большой и теплый, как ладонь митрополита, возложенная на мой затылок при прощании, – стремительно уходит от меня. В этом чувстве было много щемящей грусти и бодрящего холодка опасности и свободы. Наверное, так чувствуют себя птенцы, покидающие гнезда.

Дождь унялся, воздух был свеж и звонок. Ясный день сменился таким же ясным вечером.

На небольшой площади 1821 года, что аккурат перед двуглавым храмом Святого Николая, приветливо светились лампочки, развешанные в ветвях огромных платанов. Почти вся она была заставлена столиками кафешек и таверн. Каждый вечер тут шумно и весело.

Мы с Ваней прошли мимо забранной решеткой лестницы, ведущей в подвал на краю площади. Да, отсюда к захоронениям попасть было бы легче. Свернув, нырнули в узкий слабо освещенный переулок. В отличие от большинства туристов, предпочитающих западные кварталы старого города, эту – восточную – часть Ханьи я обожала. Византия, Венеция и Турция переплелись тут в единое целое. Тянулся с осколков стен к небу плющ, и взгляд не сучал ни секунды, перекакивая с венецианской лепнины на грубые доски заколоченных окон. Где было палаццо – теперь таверна, где клубились влажные пары хаммама – пансион. А из каждой щели вырывалась буйная южная растительность.

Петляя и сужаясь, переулок Драконтопуло вывел нас к од-

ноэтажной пристройке. Ее деревянная дверь сидела так низко, что едва доставала мне до груди. Это при моем-то невысоком росте. Спустившись по трем ступенькам, Ваня посветил телефоном на замочную скважину и вставил в нее мелкий плоский ключ. Замок плавно, без скрежета поддался. Из двери пахнуло холодом, и я невольно замерла на пороге. Ваня нервно прошипел из темноты:

– Вер, ну не тормози!

Я торопливо спустилась, и Иван захлопнул дверь. Он весь день после разговора с Владыкой был какой-то дерганный.

От митрополита мы поехали в Ванину таверну – перекусить. Но почти все время я провела за столом одна. Завидев нас, из-за барной стойки вышел Манолис – закадычный Ванин друг, как и Михалис. Когда-то Манолис пришел сюда барменом, но с расширением Иванова бизнеса стал незамеченным: готовил коктейли, следил за официантами, договаривался с поставщиками. Словом, превратился в классического управляющего. Манолис обнял Ваню и деликатно пожал мои пальцы. Это вежливое полукасание было квинтэссенцией отношения ко мне всех критских друзей Ивана (за исключением прилежного семьянина Михалиса) и выражалось словами «ну на фиг!». В глубине души все они сомневались, что мы с Иваном исключительно друзья, предпочитали не рисковать и держали со мной дистанцию.

Ваня сразу же увел Манолиса вверх – в комнату над таверной. Стол быстро заставили. Обслуживала меня улыбчи-

вая официантка, новенькая, я ее раньше не видела. Когда она опустила поднос с двумя огромными порциями паидакьи (запеченных бараньих ребрышек) и миску с креветочными саганаки (креветками под расплавленным сыром), я попросила сварить кофе и на этом пока остановиться.

– Иван сказал нести все, – нерешительно ответила она, делая ударение, подобно большинству иностранцев, на первую букву в Ивановом имени. Судя по акценту, была она откуда-то из Восточной Европы.

– Если Ивану не хватит, он попросит еще. А то остынет. Не волнуйтесь, все окей, – с улыбкой ответила я.

Минут через сорок хозяин здешней вселенной присоединился ко мне, а еще спустя пять минут в зал вышел Манолис. Таким хмурым я его не видела никогда. Нагнувшись к Ване, он что-то яростно зашептал ему в ухо. Устав от видимых проявлений их закулисной жизни, я ушла в магазин покупать джинсы и кроссовки – не идти же на дело в длинной путающейся юбке и лодочках. С Иваном договорились встретиться в таверне в восемь. Он с плохо скрываемым облегчением расстался со мной до вечера. О чем секретничал с Манолисом, так и не сказал.

Вот и сейчас, спускаясь в подвал, Иван был молчалив и сумрачен. Очутившись в темноте, слегка разбавляемой светом мобильного, я инстинктивно ухватила за Ванин рукав.

– Да подожди ты, – раздраженно прошептал друг, скидывая мою руку.

Завозился рядом, расстегивая рюкзак. После щелчка вспыхнул свет, излучаемый большим фонарем, явно одолженным в автосервисе у Михалиса.

Почти все пространство было уставлено стеллажами и столами со стопками бумаг. В дальнем конце комнаты свет выхватил дверь. Ваня двинулся к ней, я – за ним. Была она еще ниже предыдущей. Распахнув ее, мой нежный спутник посветил фонарем: ступени с покатыми краями вели вниз, в коридор. Пол землистый, с осколками камней. На последней ступеньке нога поехала, я инстинктивно оперлась рукой о стену и угодила пальцами во что-то скользкое, шевелящееся. Заорав, отдернула руку и отскочила от страшной стены. Ползучих гадов, больших и маленьких, я боюсь.

– Шо ты рыпаешься?! Шуму от тебя, как от стада гамадрилов. Еще раз пикни – выведу!

Хотелось его стукнуть, но я прикусила губу, решив впредь держаться середины коридора.

Мы осторожно двинулись вперед. Стены были покрыты замшелым камнем. Во многих местах кладка осыпалась и сквозь нее проступали петли вьющихся растений. Идти приходилось медленно: под ногами попадались крупные осколки. Так, черепашьям шагом, мы шли минуты три-четыре. Коридор сделал плавный изгиб, и показалась дверь, обитая железным листом. В скважину Ваня вставил длинный ключ. Эта дверь отворялась тяжело, со скрежетом, выпустив тяжелый, сырой дух. В свете фонаря мы видели свод-

чатый потолок. Вниз снова вели ступени. Вспомнилась давняя московская экскурсия в боярские палаты, во время которой гид объяснял, что каждый культурный слой лежит выше предыдущего. По моим представлениям, мы с Ваней прошагали на пять-шесть веков вглубь.

Небольшой зал с растрескавшимся мраморным полом перегораживала щербатая стена, появившаяся, вероятно, при турках. Потому судить о размерах усыпальницы до захвата Ханьи Османской империей не представлялось возможным. В стене рядом зияли две пустые погребальные ниши, сохранившие ровные, практически без сколов контуры, что наводило на мысль о перезахоронении, нежели о вандализме и разграблении. Пошарив фонарем, Ваня остановился на разломанном надгробии с сидящим на его краю ангелом. Посланцу небес здорово досталось. Одно крыло, нос и пальцы ног отбиты. Рука, державшая на ладони Библию, исцарапана.

Не оборачиваясь, Ваня сунул мне фонарь и обеими руками приподнял каменную обложку. Прижав ее к себе, запустил ладонь в углубление и вынул предмет, завернутый в полиэтиленовый пакет.

– Сунь мне в рюкзак, – протянул он сверток через плечо.

Вернув крышку на место, Иван отобрал у меня фонарь и еще посветил по углам. В одной стене глубоко сидела заваленная осколками дверь. К ней была прислонена могильная плита, такая старая, что на ее ноздреватой, точно пемза,

поверхности нельзя было разобрать надписей.

Вдруг за нашими спинами раздался шорох, луч Ваниного фонаря метнулся и скрестился с таким же лучом.

– Ага! Попались! Что вам здесь надо?!

Я ахнула и зажала рот ладонями.

Голос был высокий, старческий. Рассмотреть его обладателя мешал бьющий в глаза свет.

– Убери фонарь, малака!¹⁷ – крикнул Иван.

Услышав это, человечек по ту сторону света взвился фальцетом:

– Я вызвал полицию, и вы ответите не только за взлом, но и за оскорбление!

– Лучше б ты, Ваня, учил Шиллера, – пробормотала я любимое выражение Розы Михайловны, когда сын делал что-то особо ее огорчавшее.

Он вскинулся было на меня, но я, уже не слушая, заслоняясь рукой от слепящего света, крикнула:

– Извините нас, пожалуйста! Мы просто сильно испугались! Мы не сделали ничего дурного!

– We come in peace!¹⁸ – крикнул, передразнивая меня, Иван, которого несло сегодня весь вечер.

Луч немного сместился. На пороге комнаты стоял седобородый дед в рясе.

– Мы пришли сюда с... исследовательскими целями, –

¹⁷ Малака (*греч.*) – дурак (грубое ругательство).

¹⁸ Мы пришли с миром! (*англ.*) – фраза из фильма «Марс атакует».

сказала я.

– Полиция разберется, зачем вы сюда пришли, – проскрежетал дед мстительно.

«Ох, черт, вторая дверь – та, возле которой я поскользнулась, так и осталась открытой!» – пришло запоздалое понимание.

Принесла же нелегкая архивариуса, а это был, видимо, именно он. Надо сказать, мысль о слежке вообще не посещала мою голову. Это здание казалось таким забытым и исключенным из жизни, особенно по сравнению с тавернами по соседству.

Старичок посторонился, пропуская нас, а когда мимо прошел Иван – еще и попятился.

Под его конвоем молча миновали коридор. Поднимаясь к злополучной двери, Иван негромко процедил мне в спину:

– Полиции я скажу, что ключи передал друг дяди, но для чего – не знаю. Типа сходил посмотреть. А ты пошла за компанию.

– Угу... А как ты узнал, от чего ключи?

– Скажу, видел их у дяди прежде и якобы он объяснил, что они от архива.

– Мне кажется, старикан не видел, что мы там делали, – прошептала я, очутившись в архивной комнате.

Иван не ответил.

Выйдя на улицу, я испытала сразу и облегчение – от свежего воздуха, и ужас – рядом с дверью стояли двое полицей-

ских, а напротив входа в переулок крутила световые шары полицейская машина. Возле нее собралось несколько зевак. Я вспомнила митрополита, его просьбу не привлекать к себе внимания, и меня затошнило.

– Господин полицейский, я поймал их! Я же говорил, дверь не заперта! Я поймал! – выкрикивал дед.

Закатив глаза к небу, Ваня молитвенно сложил руки и покачивал головой:

– Да-да, господин полицейский, мы не закрыли дверь.

Когда надо, Иван мог отлично играть на публику. Вот и сейчас, изложив свою версию, он покаянно вздохнул:

– Просто я хотел показать древние подвалы своей девушки. – И обнял меня за плечи.

Злопамятное сознание тут же подсунуло его слова о гамадрилах.

– Прошу прощения, – услышали мы низкий голос, – произошло недоразумение.

Говоривший подошел к нам по переулку во время вдохновенного Ваниного рассказа и теперь стоял меж двух полицейских. Свет от фонаря нимбом расплывался вокруг его головы.

– Этот молодой человек должен был передать ключ мне. Я – Георгис. Наверное, вы, Иван, слышали обо мне.

Ваня кивнул. Я же щурилась и никак не могла разглядеть его. Помимо фонаря, мешали всполохи полицейской мигалки.

– Наша организация при поддержке архимандрита Тихона планировала построить детскую школу ремесел под Ханьей, – продолжал Георгис, очевидно тот самый, о котором говорил митрополит. – Но возник вопрос о межевании земель. Потребовался доступ к архиву, и с высочайшего дозволения нам сделали дубликат ключей. Отец Тимофей намеревался передать его мне в Ханье через племянника. Но скоропостижная кончина помешала ему предупредить Ивана, кому именно он должен отдать ключи.

Человек обернулся к архивариусу и почтительно произнес:

– Отец, мы еще раз сделаем запрос на дубликат ключей, – иногда в голосе его прорывались хрипловатые нотки. – Тем более со смертью архимандрита строительство школы, боюсь, осложнится.

И обращаясь к полицейским:

– Если надо, могу подтвердить свои показания письменно в офисе у Ставра Ксенакиса. Я все равно собирался к нему.

– Вы знакомы с господином Ксенакисом? – уважительно спросил один из полицейских.

– Да, он мой друг.

– Кхм... Я не думаю, что заявление необходимо, – заблеял старик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.